

К.О. Телин*

**ЭФФЕКТ ЗАМЕДЛЯЮЩЕЙСЯ МОДЕРНИЗАЦИИ:
«КОЛЕЯ» И СТАБИЛЬНОСТЬ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ****

К.О. Telin

**THE EFFECT OF SLOWING MODERNIZATION:
“PATH” AND STABILITY IN THE OTTOMAN EMPIRE**

Аннотация. Несмотря на сохраняющийся интерес отдельных ученых к истории Османской империи, следует признать, что исследования, синхронизирующие исторические и политологические подходы к трансформации османской государственности, до сих пор остаются редкостью. Это приводит к серьезным пробелам в формировании системных представлений о взлете и упадке Блистательной Порты, которые, по мнению автора, могут быть частично заполнены за счет обращения к актуальным направлениям современной политической науки, в особенности концепциям «государственной состоятельности» и «политической стабильности». Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что у истоков как развития, так и упадка Османской империи лежали во многом одни и те же параметры: централизация власти, закрытость персоналистского правления, сопутствующий этому институциональный дефицит, а также чрезмерно консервативная модальность центр-периферийных отношений и отсутствие последовательного внедрения унифицирующих начал в социальном и информационном пространстве империи. Автор привлекает к исследованию методологию исторического институционализма и стержневую для него идею «колеи» («зависимости от пути»), обращается к взглядам теоретиков политического режима и политической стабильности, а также касается некоторых наиболее характерных для рассматриваемой проблемы сюжетов внутренней политики Османской империи. Результатом является вывод о том, что в числе причин политического кризиса и постепенной деградации государственного устройства империи находится иррациональное, по сути своей, стремление сохранить те конкурентные преимущества, которыми

---

* *Телин Кирилл Олегович*, кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Telin Kirill Olegovich, Political Science Candidate, Scholar, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Moscow Lomonosov State University

+7-910-484-46-52; kirill.telin@gmail.com

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МК-4685.2018.6

на определенном этапе истории характеризовалась османская политика, и неспособность политического класса выстроить стратегически новый вектор развития страны, отличающийся от привычных режимных образцов. Таким образом, на основе обращения к богатому историческому материалу, делается попытка дополнить его осмысление и анализ за счет методологии политических исследований, оценивая Османскую империю как тип государственности в широком смысле этого слова.

Ключевые слова: кризис государства, политическая стабильность, идея «зависимости от пути», Османская империя, Турция, политический режим.

Abstract. Notwithstanding the abiding interest from a number of scholars in the history of the Ottoman Empire and regular flow of works devoted to this polity, it should be recognized that studies which apply synchronized historical and political science approaches to the transformation of Ottoman statehood are still rare. Hence, serious gaps exist in the formation of systemic ideas about the rise and fall of the Sublime Porte, which, in the author's opinion, can be partially filled by resorting to the topical areas of modern political science, especially the concepts of "state sustainability" and "political stability". The main hypothesis of this study is the assumption that the roots of both the rise and the decline of the Ottoman Empire lay mainly in the same phenomena: centralization of power, closed personalistic rule, the concomitant institutional deficit, as well as the overly conservative modality of center-peripheral relations and the lack of consistent implementation of unifying principles in the Empire's social and information space. The author's research follows the methodology of historical institutionalism and the pivotal idea of a "path" ("dependence on the chosen track"), addresses the views of the theorists of the political regime and political stability, and also looks at some of the most characteristic topical scenarios of domestic policy in the Ottoman Empire. As a result the author concludes that among the reasons for the political crisis and the gradual deterioration of the empire's state structure were, on the one hand, the essentially irrational desire to maintain the competitive advantages that characterized Ottoman policy at a certain stage of history, and, on the other hand, the inability of the political class to build a strategically new vector for the development of the country, different from the usual regime models. Thus, an attempt is made to supplement the comprehension and analysis of extensive historical data by the methodology of political research, evaluating the Ottoman Empire as a type of statehood in the broad sense of the word.

Keywords: state crisis, political stability, idea of "path dependence", Ottoman Empire, Turkey, political regime.

* * *

История Османской империи представляет собой чрезвычайно интересный объект для изучения. С одной стороны, генезис и расширение империи, ее военные кампании и специфика внутри-

политических процессов не раз становились предметом фундаментальных работ¹. С другой стороны, среди огромного количества подробно рассмотренных вопросов иногда теряется один из самых драматичных поворотов в истории османской государственности, а именно — постепенное замедление ее развития, можно даже сказать, своеобразная инверсия, смена полюсов такого развития. Речь не идет о том, что российская или зарубежная историография уделяет мало внимания указанной проблеме, но, по нашему мнению, рассмотрение последней должно быть связано с имеющимися исследованиями феномена политического кризиса, каковой в Османской империи, несомненно, наблюдался.

Вплоть до периода Танзимата (1839–1876) внутреннее устройство империи — как экономическое, так и социально-политическое — на протяжении двух столетий постепенно, но неуклонно устаревало; при этом немалую роль играли обстоятельства и факторы, многие из которых ранее обуславливали колоссальные военные и политические успехи Блистательной Порты. Абсолютистская система власти, поддерживающая, в первую очередь, военную экспансию, подавление внутренних конфликтов при отсутствии четкого административного аппарата на локальном уровне и эксклюзивный характер господства, препятствующий появлению наследственной аристократии в ее западноевропейском или русском понимании, — все это долгое время связывало имперские механизмы и превращало государство османов в почти всесильную военную машину, но к середине XVII в. превратилось в препятствия для прогресса и модернизации. Безусловно, любому исследователю стоило бы быть осторожными с такого рода высказываниями, поскольку внутренняя неоднородность империи и поливариантность ее развития, в целом, наблюдались на протяжении всей османской

---

¹ Бальфур П. (лорд Кинросс). Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999; Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992; Льюис Р. Османская Турция. Быт, религия, культура М., 2004; Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991; Новичев А.Д. История Турции. Т. 1: Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л., 1963; Он же. Турция. Краткая история. М., 1965; Орешкова С.Ф. Османская империя в первой половине XVI в.: социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998; Петросян Ю.А. Османская империя. М., 2012; Стоун Н. Краткая история Турции. М., 2014; Шеремет В.И. Становление Османской империи. XIII–XVI вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 1; Он же. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время. М., 1996.

истории. Однако, как мы постараемся показать, именно постепенную деградацию, вызванную выбранной «колеёй», можно считать центральным вектором трансформации османского государства, раз за разом приостанавливавшим реформистские проекты, возникавшие внутри политического класса, и нивелировавшим всю сложность внутренней политики огромной страны.

Это позволяет связывать историю Османской империи минимум с тремя крайне важными теоретическими сюжетами: во-первых, с представлениями о государственной «состоятельности» (stateness)², во-вторых, с концепцией «способностей» (capabilities) государства³ и, в-третьих, с представлениями о политической стабильности⁴. Безусловно, не стоит отрицать, что само применение этих сюжетов к османской практике связано с определенной долей условности: почти невозможно судить о давно минувшей эпохе категориями, родившимися гораздо позже. Однако, обращаясь к богатому историческому материалу, мы надеемся дополнить его осмысление и анализ за счет методологии политических исследований, оценивая Османскую империю как тип государственности в широком смысле этого слова. Мы не стремимся проводить лишних аналогий, но вслед за Б. Бевернажем и К. Лоренцом⁵ хотим отделить по-прежнему звучащие в публичной политике проблемы, иллюстрацией и примером которых может быть османский опыт, от проблем завершенных и оставшихся в истории одного лишь оттоманского общества.

«Клетка», кризис и притворство

Династическая история Османов всегда была довольно своеобразна: по уровню жестокости в отношении родственников, не имевших счастья стать наследниками престола, она, вероятно, превосходила большинство подобных примеров. Мехмед II Фатих (Завоеватель), покоритель Константинополя, правивший империей с 1451 по 1481 г., за три года до своей кончины фактически узаконил

---

² Жигжитов С.В. Государственная состоятельность в организационном измерении: к концептуальной модели сравнительного анализа эффективности государств // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 6–10.

³ Ван Креveld М. Расцвет и упадок государства. М., 2006; Van Crevelde M. The Rise and Decline of the State. Cambridge Univ. Press, 1999.

⁴ Dowding K., Kimber R. The Meaning and Use of “Political Stability” // European Journal of Political Research. 1983. Vol. 11, is. 3. 1983.

⁵ Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Eds. С. Lorenz, В. Bevernage. Gottingen; Bristol (CT), 2013; Бевернаж Б. Время, присутствие и историческая несправедливость. 2012. — URL: <http://gefter.ru/archive/5835>

фратрицид⁶, а его потомок и «тезка» Мехмед III (1595–1603 г.г.) при вступлении на престол казнил 19 (!) своих братьев. В силу такой практики, а также закрепленного впоследствии обыкновения содержать наследников или оставшихся в живых родственников мужского пола в специальной части султанского гарема («*кафесе*», в переводе — «клетке»), османская система власти являлась, безусловно, деспотической: все жители империи были не более чем рабами султана, и дистанция между великим визирем и рабом в прямом смысле этого слова часто была не длиннее шелкового шнура.

Кроме того, Османы фактически были единственной династией на пространстве империи, все прочие роды и фамилии, вне зависимости от известности и статуса, считались «слугами султана». Сам термин «османы» означает принадлежность, в первую очередь, к высшему классу подданных правителя⁷, а не к этнонациональному сообществу, и уж тем более никак не сопрягается с «*райей*» (в переводе — «толпа»), как называли крестьян и провинциалов. Положение и авторитет династии закреплялись широким использованием системы, получившей название «*девширме*» («набор»)⁸ — в бытовом понимании она обычно представляется распространяющейся лишь на янычар, но по сути *девширме* обеспечивала все потребности государственно-административного аппарата. К. Финкель указывает, что не только янычарский корпус, но и весь «господствующий класс Османской империи в основном состоял из мужчин, поступивших на османскую службу через дань молодыми людьми, которой облагались христианские подданные султана»⁹. Э. Гюркан приводит следующую статистику: за время существования *девширме* из 78 великих визирей

---

⁶ Петросян Ю.А. Османская империя. М., 2012. С. 62.

⁷ Соотношение понятия «османы» и похожего по значению понятия «аскери» заслуживает отдельного внимания: по мнению Э. Лависса и А. Рамбо, «османы» — категория, противоположная «райе» (Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. / Под ред. Е.В. Тарле. Т. 1. М., 1938), А.С. Воронов же полагал, что термин «османы» означает свободнорожденное и исповедующее ислам большинство правящего класса, а термин «аскери» предназначен для служащих инородного и рабского происхождения (Воронов А.С. Османы // Современник. 1846. Т. 1. С. 30). М.С. Мейер частично поддерживал это мнение, указывая, что «османы», или «османлы», — категория, отличающая мусульман из окружения султана от «капыкулу», набранных в результате действия «*девширме*» (Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991).

⁸ Девширме представлял собой принудительное рекрутирование вторых или последующих сыновей из семей провинций империи; расставшись с семьей и отечеством, они воспитывались и обучались в специальных заведениях, чтобы стать членами военного и административного корпуса империи

⁹ Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М., 2014. С. 112.

только 11 (!) человек были турецкого (тюркского) происхождения¹⁰. Общее же количество «капыкулу»¹¹, прошедших через подобную систему набора, оценивается как минимум в 200 тыс. человек¹² (по оценкам Х. Иналджика — до 600 тыс.¹³).

Подобная система не имела аналогов в Европе: некоторые кочевые племена и даже монголы, конечно, забирали пленных, в том числе несовершеннолетних, для отправления воинской службы, но это не отменяло существования в этих сообществах наследственной аристократии или естественных границ «карьеры» для рабов-инверцев. В османском же «дар аль-исламе» *девиширме* обеспечивал отсутствие кумовства, закреплял авторитарно-централистские начала государственной системы — и, вместе с тем, был по сути своей меритократическим инструментом. Д. Гудвин цитирует наблюдателя XVI в., называющего державу султана «безжалостной меритократией», а О. Бусбек свидетельствовал: «Они подбирают людей, как мы подбираем себе лошадей. Именно поэтому они владеют над другими народами и с каждым днем расширяют границы своей империи»¹⁴.

Тем не менее, некоторые авторы указывают: «одной из причин османских неудач был первоначальный успех... в шестнадцатом веке Османская империя управлялась более скрупулезно, эффективно и справедливо, чем большая часть Европы, не говоря уже о России»¹⁵. Лишенные аристократических предубеждений и не участвующие в феодальных распрях «капыкулу» положительно выделялись на фоне современных им стандартов государственного управления в Западной Европе, однако выстроенная централизованная система уже в период своего расцвета начала давать сбои и медленно, но последовательно деградировать, увлекая за собой всю империю, которая словно не хотела замечать этого кризиса. Суть и причины такого по-

---

¹⁰ *Gürkan E.S.* Christian Allies of the Ottoman Empire // *Europäische Geschichte Online (EGO)*, hg. vom Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2010-12-03. — URL: <http://www.ieg-ego.eu/gurkane-2010-en>

¹¹ См. примечание выше: термином «капыкулу» со времен Баязета I обозначались люди рабского статуса на государственной службе — сначала военной, а потом, ближе к середине XV в., и гражданской тоже (*Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 120).

¹² *Malcolm N.* Bosnia: A Short History. London, 2002. P. 45–46.

¹³ *Inalcik H.* The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600. London, 1994. P. 78.

¹⁴ *Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М., 2012. С. 56.

¹⁵ *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 246–247.

ложения ввиду невозможности придать субъектность безжизненной «системе» представляются особо интересными.

Проблема османского абсолютизма, помноженного на вполне современную по тогдашним меркам бюрократическую систему, имела, вероятно, два ключевых проявления. Во-первых, то ли по причине относительной закрытости политического класса, то ли по причине сравнительно благоприятного положения империи на международной арене¹⁶, не происходило формирования какой-либо имперской культуры, которая могла бы выступить в качестве стержня османской идентичности, а во-вторых, стройность системы *девширме* никоим образом не распространялась на периферию империи, где она соседствовала с режимом вассально-ленного землевладения и порой откровенным попустительством местных властей.

М.С. Мейер, ссылаясь на исследования турецкого историка Я. Юджея¹⁷ и американского тюрколога Б. Брауде¹⁸, указывает, что «имперская структура с самого начала включала самые разнообразные единицы управления, предполагавшие и неодинаковые формы подчинения», а для управления немусульманами «вплоть до XIX в. в Османской империи не существовало общей административной системы, структуры или серии институтов»¹⁹. Несмотря на кажущуюся стройность, система «эйялет²⁰–санджак–каза²¹–нахийе» не справлялась ни с оттоком населения, ни с дефицитом полномочий, ни с произволом местных чиновников. Как указывают историки, только Мурад IV, за свои репрессии прозванный «Кровавым», смог несколько сгладить дефекты центр-периферийных отношений. В остальном, дублирование полномочий²², коррупция и произвол были традиционными спутниками местного управления, переживавшими даже

---

¹⁶ Включая как обеспеченность ресурсами, которых все-таки хватало для воспроизводства экономики империи, так и поддержку государственности со стороны европейских держав, не желавших масштабной дестабилизации в регионе и соответствующей трансформации «баланса сил» в Европе, Средиземноморье и на Балканах.

¹⁷ XVI–XVII. Yüzyıllarda Osmanlı İdarî Yapısında Taşra Umerasının Yerine Dair Düşünceler. Belleten Sayı 163. Ankara, 1977. P. 493–506.

¹⁸ Braude B., Lewis B. Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. P.70.

¹⁹ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке.

²⁰ Также называемый «вилайет».

²¹ Также называемый «кадылык».

²² М.С. Мейер замечает, что в регионах относительно самостоятельно действовали три представителя центральной власти: вали (губернатор), кади и дефтердар (Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке).

самых прогрессивных из реформаторов, не находивших поддержки и постоянно оказывавшихся едва ли не в изоляции.

Даже в период расцвета империи и пика ее военно-политического могущества в провинциях Анатолии неоднократно вспыхивали масштабные крестьянские восстания, бунты того или иного бейлика, религиозные движения и пр. На это накладывалась и негативная экономическая динамика: после открытия Нового Света Европу, а несколько позже и Османскую империю охватила «революция цен». Огромная инфляция стала шоком для двора: вслед за переплавкой и уменьшением содержания в монетах золота и серебра были повышены цены и налоги, резко разрослась коррупция и преступный произвол в отношении закрепощенной «райи». Характерным статистическим фактом, подтверждающим сомнительное качество региональной политики и центр-периферийных отношений в Османской империи, могут быть следующие данные: в конце XVIII в. в казну попадало лишь 18,75% (!) собираемых с населения налогов, т.е. более 4/5 возможных доходов оседало в руках элиты, чиновников и коррупционеров²³. Этому способствовал и распад прежней системы землевладения: небольшие участки (тимары), которые ранее получались за заслуги на государственной и военной службе, стали вытесняться или поглощаться крупными наследственными владениями, передаваемыми по наследству и никак не связанными с прежними меритократическими практиками. Как указывает М.С. Мейер, экономические последствия такой трансформации были неоднозначны, однако политически империя так и не смогла адаптироваться к распаду прежней системы статусов и социальных связей.

Возвращаясь же к пункту, касающемуся идентичности, можно процитировать Д. Бурбанк и Ф. Купера, утверждавших, что империи, конечно, «никогда не претендовали на то, чтобы представлять единую культуру»²⁴, но они тем не менее «могли становиться все более гомогенными»²⁵ в попытке обуздать внутренние конфликты и противоречия. Иначе говоря, любая империя, в том числе конечно и Османская, признавала различия управляемых подданных, но одновременно стремилась к определенному порядку и ассоциативным отношениям своего населения, в первую очередь, с имперской властью, ее самовосприятием, миссией и пр.

---

²³ Ливен Д. Российская империя и ее враги. С. 241.

²⁴ Бурбанк Д., Купер Ф. Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 326.

²⁵ Там же.

М. Хардт и А. Негри пишут: «Когда Макиавелли рассматривает падение Римской империи, он в первую очередь обращает внимание на кризис гражданской религии, т. е. на ослабление социальной связи, объединявшей различные идеологические силы общества и позволявшей им сообща участвовать в открытом взаимодействии власти и контрвласти»²⁶. Бесспорно, проводить однозначные параллели между Римской и Османской империями бессмысленно (вопреки распространенным отсылкам к римскому имперскому опыту как некоему условно «классическому»), а к замечаниям наших современников Хардта и Негри нужно относиться с определенной долей исторического скептицизма, однако важно подчеркнуть, что в османской истории, действительно, так и не нашлось того культурно-политического фундамента идентичности, который мог бы восполнить пробел, образовавшийся в истории державы по окончании периода стремительной географической экспансии. По мнению Д. Ливена, такими основаниями могли бы стать династическая лояльность, исламская религия или даже националистический проект²⁷, но ни один из этих сценариев не сработал или не оправдал возложенных на него надежд — как минимум по той причине, что ни один из них не был беспартийно поддержан ключевыми акторами внутренней политики.

Династическая лояльность потерпела крах, пожалуй, еще в начале XVII в., когда в 1622 г. янычарами был свергнут первый султан (им стал Осман II). После этого мятежи, восстания и бунты, нередко сопровождаемые свержением правителя, стали у янычарского корпуса едва ли не традицией, что не способствовало ни авторитету Османов, ни устойчивости административной системы даже в имперской столице. Ислам, всегда игравший в стране совершенно особую роль, не смог перерасти в стержень общесоциальной идентичности во многом из-за резкой политики Абдул-Хамида II (1876–1908 г.г.), а также из-за неопределенности правительственного курса в этом вопросе: еще в XVII в. образовывавшиеся на периферии «феодалные династии»²⁸ объединялись, среди прочего, на основе религиозных факторов, препятствуя тем самым усилению централизации османской власти, а в XIX в. Танзимат и националистические идеи вступали в явное противоречие с потенциальной исламизацией,

---

²⁶ Негри А., Хардт М. Империя. Порождение и разложение // Отечественные записки. 2003. №6 (15).

²⁷ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 298, 304.

²⁸ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. С. 115–116.

отчего панисламистские проекты упомянутого выше Абдул-Хамида не были приняты даже элитой. Что же касается этнонационального вопроса, то в его пределах османская позиция традиционно сопрягалась с презрением к тюркской культуре и обычной для империи наднациональной риторикой.

Отсутствие локального проникновения и дефицит культурно-ценностных оснований политического процесса, таким образом, всерьез препятствовали адаптации османской системы к меняющимся условиям Нового времени. Эксклюзивная по своей природе административная система, сначала основанная на *девширме*, а затем пережившая не менее примечательную трансформацию в кланово-патронажные отношения (примером чего может являться, к примеру, династия Кёпрюлю, представители которой 8 раз становились великими визирями, причем пятеро из них — в 1656–1691 гг. и де-факто подряд), не могла сохранить принцип полного единоначалия в период экономического кризиса и вынужденного самоограничения империи.

Режим и «идентификаторы»

Сделаем теоретическое отступление: в своей трактовке дестабилизации османского государства мы пользуемся методологией К. Даунинга и Р. Кимбера, полагавших, что политическая стабильность, во-первых, не должна отождествляться с отсутствием изменений или простым воспроизводством («выживаемостью») системы, а во-вторых, связана с адаптивной динамикой той же системы, из чего следует, что изменения возможны даже на уровне ключевых параметров (идентификаторов) системы — при сохранении управляемости и запланированности подобных изменений²⁹. Наш, созвучный позиции Д. Ливена, тезис, таким образом, гласит, что те же, во многом, «идентификаторы», обеспечивавшие рост и прогресс империи в XIV–XVI вв., впоследствии обернулись против нее — при том что никаких успешных и системных изменений государственного аппарата не произошло.

Можно утверждать, что вплоть как минимум до конца царствования Абдул-Хамида II и свергнувшей его революции младотурков в стране установился режим, который можно было бы охарактеризовать как «персоналистский» (в терминологии С. Хантингтона³⁰ и

---

²⁹ Dowding K., Kimber R. Op. cit.

³⁰ Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Univ. of Oklahoma Press, 1991.

Б. Геддес³¹) или «султанистский» (в терминологии Х. Линца и А. Степана³²). Подобное обозначение вполне уместно и даже тривиально в отношении того периода османской истории, который получил название «зулум» (тирания, гнет)³³, однако факт применения подобных категорий к более ранним периодам османской государственности вызывает известное сомнение³⁴. Тем не менее, мы будем подразумевать под политическим режимом ту «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период», о которой писал Ж.-Л. Кермонн³⁵. Следовательно, и в отношении исследования периода XVI–XVIII вв. этот термин может быть вполне валиден.

Важное замечание относительно природы османской политики делают О. Чаха и М. Караман. Они указывают: политическая культура империи (опять же, при всей условности этого термина в отношении системы, не связанной с институтами национального государства в его европейском понимании) не подразумевала наличия «гражданского общества» (т.е. политически активных субъектов за пределами государственного аппарата) и даже «системной» оппозиции³⁶. На протяжении долгого времени это помогало Османам как проводить военную экспансию в Европу, так и разрешать внутривосточные противоречия теми же, по сути, средствами: «диалог» с «оппозицией» если и происходил, то посредством восстаний и их последующего подавления. Однако после краха прежней экономической модели и прекращения экстенсивного роста (как хозяйственного, так и геополитического) политический режим перешел в достаточно странный формат функционирования: в его

---

³¹ *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science.* 1999. N 2. P. 115–144.

³² *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Cambridge, 1996.

³³ Правление Абдул-Хамида II с 1878 по 1908 г., характеризующееся отменой действия ранее принятой конституции и восстановлением деспотического правления султана.

³⁴ *O'Donnell G.* On the State, Democratization and Some Conceptual Problems (A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries) // *World Development.* 1993. Vol. 21. N 8. P. 1355–1369; *Przeworski A.* Sustainable Democracy. New York: Cambridge Univ. Press, 1995.

³⁵ *Quermonne J.-L.* Les regimes politiques occidentaux / Ed. du Seuil. Parris. 2006.

³⁶ *Çaha O., Karaman M.L.* Civil Society in the Ottoman Empire // *Journal of Economic and Social Research.* 2004. 8(2). P. 53–81. — URL: <http://jesr.journal.fatih.edu.tr/jesr.caha.karaman.pdf>

публичном пространстве отсутствовали конфликты как таковые³⁷, но за этой «вуалью неведения» скрывались колоссальное социальное расслоение, коррупция, неэффективность и безгололье подавляющей части населения, что впоследствии сыграет свою роль в делегитимации основ государства. Примерно те же процессы происходили и в других странах, остававшихся «эксклюзивными» в период расширения политического участия и гражданских прав (даже сравнительно поздняя эпоха Меттерниха–Баха в Австрии закончилась компромиссом 1867 г.).

Сверхцентрализация империи дала, таким образом, скверные всходы: в обществе нарастало напряжение, связанное и с налогами, и с откровенным беспорядком, а власти вместо решения проблем предпочитали поддерживать прежнюю структуру взаимодействия «дворца», бюрократии, духовенства и военных кругов³⁸. Порой это приводило к неприятным, но крайне показательным казусам: в ходе одной из военных кампаний против Ирана к наместнику Махмуда I должно было явиться более 100 тысяч рекрутов, но оказалось, что к месту сбора прибыли менее одной десятой от этого числа³⁹. К концу XVIII в., как указывает М.С. Мейер, «султанское правительство было вынуждено констатировать резкое падение своего влияния в провинциях»⁴⁰, — на периферии возникли многочисленные конфликты самых разных политических сил, однако проходили они уже не в правовой плоскости, где их мог бы регулировать Стамбул, а вне всякого контроля и возможности политического разрешения внутри османской системы. Как указывают М. Хардт и А. Негри, империи вполне может быть необходим некоторый «пыл», который будет обеспечивать «конфликтное, но лояльное участие граждан в постоянном совершенствовании институтов и развитии свободы», — отсутствие же его может оборачиваться распадом существующих структур, не способных поддерживать должный уровень порядка.

Вместо попыток реформ и стабилизации османы обратились к тому, что Р. Якобсон позже (и применительно к другим странам) охарактеризует как «афазию» — состояние, при котором неспособность работать с актуальной действительностью вызывает обращение

---

³⁷ Повторимся: речь идет не о военных конфликтах, бунтах и восстаниях, а именно о политических конфликтах, протекающих в невоенной, правовой форме.

³⁸ *Çaha O., Karaman M.L.* Op. cit. P. 58.

³⁹ *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке.

⁴⁰ Там же.

к символическим практикам и лексикону прошлого. Иллюстрацией такого положения может быть уже неоднократно упомянутое правление Абдул-Хамида II: подписание Сан-Стефанского мирного договора, положившего конец русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и состоящего, по большей части, из обязательств и уступок Стамбула, сопровождалось публичным обращением султана к своим подданным, где он указывал, что «вышел из борьбы победителем неверных собак. В своей неимоверной благодати и милосердии он согласился даровать нечистым собакам мир, о котором они униженно просили его. Ныне, правоверные, вселенная опять будет управляться из Стамбула»⁴¹. Бессмысленно говорить о том, насколько подобные формулировки расходились с действительностью; важно, что искажение даже совершенно бытовых деталей османской жизни было более чем характерно для власти, стремившейся «спрятать» кризис и хотя бы на риторическом уровне оставаться в зените собственного могущества и самоуспокоенности.

М. Хепер, впрочем, указывает, что нельзя характеризовать такую ситуацию исключительно как следствие злонамеренных действий элиты: по его мнению, знакомое европейцам разделение политического участия на либеральные или авторитарные образцы недопустимо по отношению к Османской империи, ибо местную политическую культуру необходимо характеризовать как «трансцендентализм» (transcendentalism) — состояние, при котором государство стоит выше всех частных инициатив, интересов, структур и предприятий⁴². Признавая вероятную правомочность такого рода представлений о природе османской политики, нельзя, вместе с тем, выводить эту позицию из-под критического анализа — ведь и во многих других странах, особенно на протяжении XIX в., такая позиция пользовалась популярностью. Свою версию «трансцендентализма» Хепера можно найти в истории Российской империи⁴³, Китая, Японии и т.д. Открытым, по всей видимости, остается вопрос о том, является ли трансцендентализм действительной чертой некоторых социальных систем или просто реакционной идеологией, призванной укрепить статусные позиции государства, подчеркнуть «суверенный» харак-

---

⁴¹ Цит. по: Газета А. Гатцука. 1878. № 12. С. 200. — URL: <https://ivaldi.nlr.ru/fn000000003/view#page=105>

⁴² *Heper M.* The State Tradition in Turkey. Walkington, 1985. P. 37; *Çaha O., Karatam M.L.* Op. cit. P. 61.

⁴³ *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: опыт философского прочтения. М., 2012.

тер политического процесса или его, условно, «цивилизационную» самость.

Вполне ясно, что мы не можем применять к Османской империи те характеристики конкурентоспособности государства, которые используются, например, в методологии *Global Competitiveness Index*: это было бы досадной иллюстрацией той самой ошибки историка, которая перемещает системы оценки в период, не предназначенный для их применения. Вместе с тем, в анализе османского государства необходимо использование научных категорий, которые позволили бы выйти за рамки описательно-хроникерских конструкций. Именно эти категории — как способности государства, так и его полноценность (состоятельность, *stateness*) или должным образом операционализированная «стабильность», — могут стать хорошим инструментом для исследования краха империи и ее «замедляющейся модернизации (*lagging modernization*). При этом стоит заметить, что под «модернизацией» в данном случае не подразумевается всемирно-историческое явление глобального перехода к Модерну, а буквальное «осовременивание» и адаптация конкретной государственной системы к актуальным требованиям того или иного исторического периода⁴⁴.

Перечислим те обстоятельства, которые позволяют характеризовать османскую ситуацию как кризисную.

Во-первых, государство ближе к концу XVIII в. едва ли не окончательно утратило монополию на насилие, что считается ключевым элементом политической дестабилизации (в представлении, к примеру, Р. Йонг-а-Пина⁴⁵ или С. Флэнагана⁴⁶). Конечно, и до этого времени почти постоянно вспыхивали восстания или бунты различного масштаба, угрожавшие, среди прочего, и центру «дар аль-ислам», но это были именно полноценные военные конфликты, а не постепенное накопление рутинных проблем, выводящих периферию империи из-под контроля ее же центра. М.С. Мейер так описывает это положение: «приказы Порты на местах, как правило, игнорировались, но обе стороны воздерживались от открытого конфликта ... в 70-х годах [XVIII в.] отношения провинциальной знати с Портой достиг-

---

⁴⁴ Согомонов А.Ю. Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).

⁴⁵ *Jong-A-Pin R.* On the measurement of political instability and its impact on economic growth // *European Journal of Political Economy*. 2009. Vol. 25(1). P. 15–29.

⁴⁶ *Flanagan S.C.* Models and Methods of Analysis // Almond G., Flanagan S., Mundt R. *Crisis, Choice and Change*. Boston, 1973.

ли точки разрыва, а в 80-х — перешли в открытое и повсеместное противоборство»⁴⁷.

Во-вторых, политические субъекты утратили свои прогнозные и административные возможности: даже сбор налогов превращался в проблему, армия теряла свой прежний потенциал, а способность проводить какие-либо системные реформы общегосударственного масштаба османским правительством была почти полностью утрачена. Государство не представляло себе ни собственных возможностей, ни вызовов и угроз со стороны внешней среды, причем «внешней» как в плане взаимодействия государственных структур с имеющимися элитарными группами, так и в плане непосредственного контакта с конкурирующими державами.

Из второго пункта вытекает третий: принятие решений в империи происходило, как бы парадоксально это ни звучало, в перманентно экстренных условиях. Некачественное управление ресурсами, несвоевременность, безответственность и популизм, дополняемый афазией, — все эти параметры вполне подходят подавляющему большинству османских проблем. Характерный пример можно найти не только внутри отрезка «зулум» (когда Абдул-Хамид II то принимал конституцию, то отменял ее действие, то высылал из страны Мидхат-пашу, то возвращал его, чтобы через какое-то время казнить), но и за его пределами: так, кризис тимарной системы вызывал неконтролируемую урбанизацию, привлечение местных элит к управлению оборачивалось усилением центробежных тенденций, а попытки индустриализации и интеграции в мировую экономику приводили к структурным диспропорциям и спекуляциям в национальном хозяйстве⁴⁸.

Разрастающийся кризис ключевых идентификаторов османского режима позволяет нам согласиться с представлениями В.М. Полтеровича⁴⁹ или П. Пирсона⁵⁰ о влиянии «колеи», или «зависимости от пути» (*path dependence*) на политическую и историческую динамику. Саму ситуацию подобной зависимости первый из названных авторов описывает как «неэффективное равновесие, порожаемое действу-

---

⁴⁷ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке.

⁴⁸ Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.

⁴⁹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

⁵⁰ Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94. N 2. P. 251–267.

ющей нормой»⁵¹; мы уже коснулись тех неэффективных решений (или попросту долговременного отсутствия решений), которые наблюдались в Османской империи. Кроме того, Полтерович делает и такое замечание: «отдельный агент ... несет потери, отклоняясь от институциональной ловушки. Однако одновременный переход всех (или даже значительной части) агентов к альтернативной норме может вести ... к улучшению положения всех участников»⁵². Нельзя не отметить, что внутри османской государственности неоднократно возникали попытки реформ или даже принудительной трансформации системы в сторону ее оптимизации и модернизации, однако в силу незначительного масштаба практических действий они оказались обречены на неудачу. Устойчивая приверженность прежним идентификаторам, потерявшим свой потенциал или даже негативно сказывающимся на развитии, приостановила социально-политический прогресс всей системы в целом.

Вместо заключения

Указание на то, что исламский Ближний Восток в какой-то момент утратил свой модернизационный потенциал и стал уступать христианскому Западу в научно-техническом, экономическом и социальном развитии, — не редкость ни в академической литературе, ни в публицистике⁵³. Вместе с тем, значительная часть авторов занимает позицию, которая представляется нам чрезмерно ориенталистской⁵⁴, рассматривающей такое отставание как часть некоего глобального, а то и цивилизационного тренда. Ведь вполне очевидно, что внутренний кризис Османской империи отличается от распада державы Сефевидов, мамлюкский опыт разнится с историей Туниса Хусейнидов и т.д. Каждый из этих исторических эпизодов заслуживает отдельного рассмотрения в своем уникальном контексте.

---

⁵¹ Полтерович В.М. Указ. соч. С. 7.

⁵² Там же.

⁵³ Бердцелл Л.Е., Розенберг Н. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995; МакНил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. М., 2004; Моррис И. Почему Запад правит до сих пор. М., 2016; Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М., 2014; Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.

⁵⁴ Под термином «ориенталистский» мы вслед за Э. Саидом и Б. Льюисом понимаем исследовательскую позицию, предполагающую искусственное объединение разнопорядковых и разнородных явлений и сущностей в общую воображаемую категорию «Востока».

Вместе с тем, изучение постепенной дестабилизации Османской империи представляется нам крайне актуальным по той причине, которая и является основным тезисом данной работы: кризис Блистательной Порты был вызван, в значительной степени, теми же факторами, которые до того обеспечивали рост и военную экспансию империи. В то время как современные теоретики изучают «идентификаторы» или «конкурентные преимущества» того или иного государства в рамках международных политических или экономических отношений, опыт исчезнувшей еще в начале XX в. империи подсказывает, что такого рода параметры могут быстро устаревать, а зависимость от пути, ранее казавшегося успешным, приобретает черты социальной трагедии. С трудом менявшаяся, сопротивлявшаяся масштабным реформам и трансформациям государственность оказалась безмолвным и безынициативным свидетелем того, как источники ее величия превращаются в глиняные ноги колосса, а государственная состоятельность, прежде способная служить образцом для континентальной Европы, все больше напоминает образ «больного человека». Пожалуй, именно такая версия «зависимости от пути развития» может быть более чем актуальной и сегодня.

References

XVI–XVII. *Yüzyillarda Osmanlı İdari Yapısında Taşra Umerasının Yerine Dair Düşünceler* // Belleten Sayı. 1977. 163, pp. 493–506.

Balfour P. (Lord Kinross). *Rastsvet i upadok Osmanskoy imperii* [The Rise and Decline of the Ottoman Empire]. Moscow: Kron-Press, 1999. 696 p.

Bevernage B. *Vremya, prisutstviye i istoricheskaya nespravedlivost' 2012* [Time, Presence and Historical Injustice 2012]. — URL: <http://gefter.ru/archive/5835>

Birdzell L.E., Rosenberg N. *Kak Zapad stal bogatym. Ekonomicheskoye preobrazovaniye industrial'nogo mira* [How the West Grew Rich. The Economic Transformation of the Industrial World]. Novosibirsk: Ekor, 1995. 352 p.

Braude B., Lewis B. *Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society*. New York: Holmes & Meier Publishers, 1982. 464 p.

Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Eds. C. Lorenz, B. Bevernage. Gottingen; Bristol (CT): Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. 274 p.

Burbank J., Cooper F. *Trayektorii imperii* [Trajectories of the Empire] // *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Ab Imperio, 2010, pp. 325–361.

Çaha O., Karaman M.L. *Civil Society in the Ottoman Empire* // Journal of Economic and Social Research. 2004. № 8 (2), pp. 53–81.

Çiçek K. *Ekonomika Osmanskoy imperii v period yeye prevrashcheniya v periferiyu Zapada, 1700–1914* [Economy of the Ottoman Empire during Its Trans-

formation into the Periphery of the West, 1700–1914] // *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive* [Russian Empire in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2004, pp. 207–229.

Dowding K., Kimber R. *The Meaning and Use of “Political Stability”* // *European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. Is. 3, pp. 229–243.

Ferguson N. *Tsivilizatsiya. Chem Zapad otlichayetsya ot ostal'nogo mira* [Civilization. How Is the West Different from the Rest of the World]. Moscow: Corpus, 2014. 568 p.

Finkel C. *Istoriya Osmanskoj imperii. Videniye Osmana* [History of the Ottoman Empire. Osman's Dream]. Moscow: AST, 2014. 832 p.

Flanagan S.C. *Models and Methods of Analysis* // Almond G., Flanagan S., Mundt R. *Crisis, Choice and Change*. Boston: Cambridge University Press, 1973, pp. 43–102.

Gasratyan M.A., Oreshkova S.F., Petrosyan Yu.A. *Ocherki istorii Turtsii* [Essays on the History of Turkey]. Moscow: Nauka, 1983. 296 p.

Geddes B. *What Do We Know about Democratization after Twenty Years?* // *Annual Review of Political Science*. 1999. № 2, pp. 115–144.

Goodwin J. *Velichiye i krakh Osmanskoj imperii. Vlastiteli beskrajnykh gorizontov* [The Greatness and Collapse of the Ottoman Empire. The Rulers of Boundless Horizons]. Moscow: Kolibri, 2012. 350 p.

Gosudarstvennaya sostoyatel'nost' v politicheskoy nauke i politicheskoy praktike [State Sustainability in Political Science and Political Practice] / Ed. by E.Yu. Meleshkina et al. Moscow: INION, 2011. 287 p.

Gürkan E.S. *Christian Allies of the Ottoman Empire* // *Europäische Geschichte Online* (EGO), hg. vom Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz 2010-12-03. — URL: <http://www.ieg-ego.eu/gurkane-2010-en>

Heper M. *The State Tradition in Turkey*. Walkington: The Eothen Press, 1985. 218 p.

Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.

Lavis E., Rambaud A. *Istoriya XIX veka* [History of the 19th Century] / Ed. by E.V. Tarle. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1938. 580 p.

Inalcik H. *The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600*. London: Phoenix, 1994. 272 p.

Jong-A-Pin R. *On the measurement of political instability and its impact on economic growth* // *European Journal of Political Economy*. 2009. Vol. 25 (1), pp. 15–29.

Lewis R. *Osmanskaya Turtsiya. Byt, religiya, kul'tura* [Ottoman Turkey. Life, Religion, Culture]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 239 p.

Lieven D. *Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoy poryadok* [Empire, History and the Modern World Order] // *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Fallacies in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Ab Imperio, 2010, pp. 283–324.

Lieven D. *Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dney* [The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present]. Moscow: Yevropa, 2007. 688 p.

Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.

Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD, 2001. 667 p.

Malcolm N. *Bosnia: A Short History*. London: Macmillan, 2002. 384 p.

McNeill W. *Voskhodeniye Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West. The History of the Human Community]. Moscow: Nika-tsentr, 2004. 1064 p.

Meyer M.S. *Osmanskaya imperiya v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa* [Ottoman Empire in the 18th century. Features of the Structural Crisis]. Moscow: Nauka, 1991. 261 p.

Morris I. *Pochemu Zapad pravit do sikh por* [Why the West Rules up to Now]. Moscow: Kar'yer-Press, 2016. 720 p.

Negri A., Hardt M. *Imperiya. Porozhdeniye i razlozheniye* [Empire. Generation and Decomposition] // *Otechestvennyye zapiski*. 2003. № 6 (15), pp. 36–58.

Novichev A.D. *Istoriya Turtsii* [History of Turkey]. Vol. 1. *Epokha feodalizma (XI–XVIII vv.)* [The Era of Feudalism (the 11th–18th Centuries)]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1963. 314 p.

Novichev A.D. *Turtsiya. Kratkaya istoriya* [Turkey. A Short story]. Moscow: Nauka, 1965. 270 p.

O'Donnell G. *On the State, Democratization and Some Conceptual Problems (A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries)* // *World Development*. 1993. Vol. 21. N 8, pp. 1355–1369.

Oreshkova S.F. *Osmanskaya imperiya v pervoy polovine XVII v.: sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye, vnutrennyaya i vneshnyaya politika* [The Ottoman Empire in the First Half of the 17th Century: Socio-economic Situation, Domestic and Foreign Policy] // *Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy v XVII v.* [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and Southeast Europe in the 17th Century]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1998, pp. 6–28.

Osmanskiy mir i osmanistika. Sbornik statey k stoletiyu so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoy (1910–1973) [Ottoman World and Ottomanism. Collected Articles in Honour of the Centenary of the Birth of A.S. Tveritina (1910–1973)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 516 p.

Petrosyan Yu.A. *Osmanskaya imperiya* [Ottoman Empire]. Moscow: Algoritm, 2012. 350 p.

Pierson P. *Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics* // *The American Political Science Review*. 2000. June. Vol. 94. № 2, pp. 251–267.

Polterovich V.M. *Institutsional'nyye lovushki: yes' li vykhod?* [Institutional Traps: Is There a Way out?] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2004. № 3, pp. 5–16.

Przeworski A. *Sustainable Democracy*. New York: Cambridge University Press, 1995. 156 p.

Quermonne J.-L. *Les regimes politiques occidentaux*. Paris: Points, 2006. 346 p.

Sheremet V.I. *Stanovleniye Osmanskoy imperii. XIII–XVI vv.* [The Formation of the Ottoman Empire. The 13th–16th Centuries] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2001. № 1, pp. 60–70.

Sheremet V.I. *Voyna i biznes. Vlast', den'gi i oruzhiye. Yevropa i Blizhniy Vostok v Novoye vremya* [War and Business. Power, Money and Weapons. Europe and the Middle East in the New Age]. Moscow: Tekhnologicheskaya shkola biznesa, 1996. 712 p.

Shevchenko V.N., Sokolova R.I., Spiridonova V.I. *Rossiyskoye gosudarstvo: opyt filosofskogo prochteniya* [Russian State: an Experience of Philosophical Reading]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2012. 512 p.

Sogomonov A.Yu. *Etika dogonyayushchey modernizatsii* [Ethics of Catching up Modernization] // *Neprikosnovenny zapas*. 2010. № 6 (74), pp. 277–302.

Stone N. *Kratkaya istoriya Turtsii* [A Brief History of Turkey]. Moscow: AST, 2014. 320 p.

Van Cleverd M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow: IRISEN, 2006. 544 p.

Van Creveld M. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 448 p.

Yeremeyev D.E., Meyer M.S. *Istoriya Turtsii v sredniye veka i novoye vremya* [The History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1992. 246 p.

Zhigzhhitov S.V. *Gosudarstvennaya sostoyatel'nost' v organizatsionnom izmerenii: k kontseptual'noy modeli sravnitel'nogo analiza effektivnosti gosudarstv* [State Viability in the Organizational Dimension: to the Conceptual Model of a Comparative Analysis of the Effectiveness of States] // *Sravnitel'naya politika*. 2011. № 3, pp. 6–10.

Поступила в редакцию
30 июня 2018 г.